

– У вас обо всем самые превратные представления, – сказала Уазиль, – вам кажется, что все женщины на вас похожи.

– Простите меня, госпожа моя, – сказал Сафредан, – я бы дорого дал, чтобы это было так и чтобы удовлетворить женщин было бы так же легко, как нас.

– Какой у вас злой язык, – сказала Уазиль, – все здесь присутствующие отлично знают, что вы не правы. И доказательство этого – история, которую нам только что рассказали и из которой явствует, сколь доверчивы несчастные женщины и сколь коварны и хитры те, кого мы считаем выше вас, пребывающих в миру мужчин. Ведь ни она, ни ее дочь не хотели ничего решить сами, а вместо того чтобы следовать своим намерениям, положились на добрый совет.

– Некоторые женщины настолько требовательны, – сказала Лонгарина, – что им кажется, что муж их должен быть ангелом.

– Вот потому-то им часто попадаются дьяволы, – заметил Симонто, – и случается это чаще всего с теми, которые, не доверяясь благодати господней, считают, что они своим собственным разумом – или послушавшись чьего-то совета – сумеют снискать в этом мире счастье, даровать которое может только сам господь.

– Что я слышу, Симонто! – воскликнула Уазиль. – Вот уж не думала, что вы можете рассуждать так разумно.

– Госпожа моя, – сказал Симонто, – мне очень жаль, что вам не удалось убедиться, какой я на самом деле. Оттого что вы меня плохо знаете, у вас, я вижу, сложилось дурное мнение обо мне, но и я ведь могу заниматься делами монахов, если монах позволил себе вмешаться в мои.

– Выходит, ваше дело – это обманывать женщин? – сказала Парламанта. – Этим вы сами же выносите себе приговор.

– Если бы даже мне удалось обмануть сто тысяч женщин, – сказал Симонто, – этого было бы мало, чтобы отомстить за все обиды, которые мне причинила одна из них.

– Я знаю, – сказала Парламанта, – как вы часто жалуетесь на, дам. И вместе с тем вы всегда веселы и так хорошо выглядите, что невозможно поверить, чтобы вам действительно пришлось перенести все те беды, о которых вы говорите. По этому поводу в «Красавице, не знающей жалости»³⁸⁸ сказано:

*Но так обычно говорят,
Чтобы добиться утешенья.*

– Вы приводите слова известного ученого мужа, – сказал Симонто. – Он не только сам был человеком суровым, но и заразил своей суровостью всех дам, которые прочли его и последовали его учению.

– Пусть так, но его учение, как ни одно другое, полезно для молодых дам, – сказала Парламанта.

– Если бы все женщины были безжалостными, – продолжал Симонто, – мы могли бы преспокойно отвести наших лошадей в конюшню, снять все наши боевые доспехи и, пока не настала новая война, заниматься домашними делами. Но скажите, пожалуйста, неужели можно считать благородной женщину, у которой нет ни жалости, ни милосердия, ни любви и которая к тому же жестока?

– Милосердие и любовь у нас должны быть, – сказала Парламанта, – но слово *жестокая* настолько неуместно, когда говорят о женщине, что не может не задеть нашу честь. В самом деле, *не быть жестокой* – означает оказать ту милость, о которой вас просят, а ведь всем хорошо известно, какой милости домогаются мужчины.

– Должен вам сказать, сударыня, – возразил Симонто, – что есть мужчины настолько разумные, что они не просят ничего, кроме доброго слова.

– Вы мне напомнили об одном мужчине, который довольствовался даже перчаткой, – ответила она.

– Мы хотим знать, кто этот любезный кавалер, – сказал Иркиан, – и я передаю вам слово, чтобы вы нам рассказали эту историю.

---

³⁸⁸ «Красавица, не знающая жалости» – поэма Алена Шартье (1386–1449), написанная как диалог умирающего от любви кавалера и его жестокосердной дамы.